

ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА

№ 113 (17235) Вторник, 22 июня 1999 г.

В ШИШОЙ ПАМЯТИ

В тот последний мирный день ничто не предвещало грозной беды. Город жил привычными заботами. Спокойным, деловитым вышел утром номер городской газеты "Ленинский шахтер". В нем сообщалось, что коллектив шахты имени 7 Ноября, первым на руднике, выполнил полугодовой план; шла речь о резервах лучшей работы шахты имени Кирова. Воскресный номер рассказывал не только о трудовых делах. Приятной новостью было открытие нового пионерского лагеря шахтерским профсоюзом, сообщалось о предстоящем легкоатлетическом кроссе. Газетная кинофлеша пригласила горожан посмотреть новые фильмы. Настораживала лишь газетная рубрика "Учись военному делу" с соответствующей статьей.

22 июня 1941 года городской парк с утра заполнили отдыхающие. Сменяя друг друга, выступали здесь коллективы художественной самодеятельности, звал на танцплощадку духовой оркестр. Любители острых ощущений взяли в осаду парашютную вышку. Парк полнился шумным гуляньем горожан. И вдруг все оборвалось. Казалось, угас даже шепот листьев, когда из радиоприемников зазвучало сообщение о начавшейся войне. Тут же, в парке, состоялся первый военный митинг. "В ответ на наглое нападение фашистов на наши границы, - говорилось в его резолюции, - мы, граждане города Ленинск-Кузнецкий, объявляем себя мобилизованными на борьбу до окончательного разгрома врага..." Так вместе со всей страной встал шахтерский город на тяжкую военную вахту длиной в 1418 дней.

На защиту Родины вместе с мобилизованными уходили сотни добровольцев. В числе первых добровольцев были секретари горкома партии И. Шаравьев и В. Прилепский, партторги шахт И. Форост и П. Востриков, секретарь ГК ВЛКСМ Н. Туров, комсорги шахт Н. Кирсанов, Г. Долганов, замредактора городской газеты А. Димеев. Всего за годы войны из города на бой с фашистскими захватчиками ушло 18760 человек. Кроме того, 4558 человек к началу войны находилось на военной службе. Многие из них вступили в бой в первый же день фашистского нападения. 4474 жителя го-

рода Ленинск-Кузнецкого не вернулись с полей войны.

На третий день войны повел на бомбежку врага эскадрилью бомбардировщиков один из первых комсомольцев города капитан Анатолий Калашников. Он мечтал быть учителем, но по призыву комсомола пошел в военную авиацию, стал военным летчиком. В годы войны летчики под его командованием наносили удары по врагу под Москвой и Сталинградом, в Донбассе и Крыму, а затем за рубежами родной страны. Он закончил войну генерал-майором, командиром дивизии.

Бывший горняк шахты имени Кирова Илларион Романович Васильев с сентября 1941 года находился в рядах знаменитой Панфиловской дивизии. Это она после упорных оборонительных боев на дальних подступах к Москве заняла оборону у Волоколамска. Одна из рот, в которой находился И.Р. Васильев, окопалась у разъезда Дубосеково. 16 ноября 1941 года на сильно поредевшую роту советских воинов враг бросил свежие силы. Первая атака фашистов отбита. Вскоре на позиции 28 панфиловцев двинулись 30 немецких танков. Тяжелый бой длился четыре часа. Его результатом было 18 уничтоженных танков противника. В неравном единоборстве с танками врага погибли двенадцать бойцов роты. Передышка была короткой - на горизонте появились еще 20 танков. И тогда политрук Николай Клочков отдал приказ: "Приготовить гранаты и бутылки с горючей смесью! Стоять насмерть!"

Рядовым пошел на военную службу в июле 1941 года электромонтер горноспасательной станции Пантелей Зварыгин. Впервые он взял в руки оружие и в военной страде раскрылся всеми гранями военного таланта. Уже в 1942 году, под Сталинградом, он командовал взводом. За личную отвагу и умелое командование подразделением был награжден орденом Красной Звезды. 1944 год встретил, командуя батальоном. Пять боевых орденов украшали его грудь, из них три ордена Красного Знамени. На землю Венгрии майор Зварыгин вступил, командуя полком. Здесь и догнала его весть о присвоении ему звания Героя Советского Союза за образцовое руководство

батальоном в бою и личную храбрость, проявленные в боевых действиях на территории Молдавии. В свои тридцать лет Пантелей Александрович пал в бою за венгерский город Дебрецен.

Девятнадцатилетний парень Иван Иванович Куренков ушел на войну в сорок первом с шахты имени Кирова, где он работал проходчиком. Боевое крещение пришлось на бои под Москвой. Здесь же он получил и первое ранение. После излечения - снова фронт, на этот раз под Ленинград. Вторично ранен. В 1943 году в боях на Курско-Орловской дуге во главе взвода И.И. Куренков форсирует реки Сейм и Десну. Не раз вступает в рукопашную, прокладывая путь к переправам другим подразделениям полка.

В районе деревни Копорье немецкая пушка мешала продвигаться нашим войскам. Иван Куренков незаметно пробрался к зданию, в котором была установлена пушка, и проник в него. В короткой рукопашной схватке уничтожил растерявшийся расчет, пушку повернул в сторону противника и открыл по нему огонь. В этом бою рота И.И. Куренкова уничтожила свыше 70 гитлеровцев.

В одном из наступательных боев батальон 440-го стрелкового полка попал под ураганный огонь противника и вынужден был залечь на открытой местности. Командир батальона погиб. И тогда политрук А.Е. Погорельцев поднял батальон. В числе первых он ворвался во вражескую траншею, уничтожил немецкого пулеметчика, а из захваченного пулемета стал разить фашистов. Немецкая оборона была прорвана.

Не раз отличившемуся в боях Александру Егоровичу Погорельцеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наряду с удостоенными высших правительственных наград, самоотверженно сражались с врагом тысячи воинов из Ленинск-Кузнецкого. Среди них А.З. Калашников, генерал-майор авиации, А.В. Куликов, замполит авиачасты, П.Г. Пивоваров, командир партизанского отряда имени А. Суворова бригады "Железняк". Вместе с мужчинами в боевых рядах были наши славные девушки-снайперы, артил-

На разных фронтах воевали гвардии старшина Елена Николаевна Вайнина и младший лейтенант Александр Николаевич Русских. Она служила в политотделе 259-й Артемовской стрелковой дивизии, в июне 1942 года начала свою службу на Волховском фронте, а Победу встретила в Австрии. Он прошел от Курска до Берлина, будучи шифровальщиком разведотдела. Но оба они делали одно большое дело - освобождали родную землю от фашистов. Поэтому сияют награды на их пиджаках, а спасенное Отечество низко кланяется бывшим фронтовикам.

На снимке: Е.Н. Вайнина и А.Н. Русских. Фото М. НИКОЛОВА.

леристы-зенитчики, санитарки, связистки. Фамилии многих из них занесены в Книгу памяти.

Сражаясь на фронтах, воины-горожане сообщали землякам о боевых делах, призывали к самоотверженному труду во имя победы над врагом. В марте 1942 года бойцы и командиры 943-го артиллерийского полка писали: "От наших артиллерийских залпов взлетает на воздух фашистская нечисть... Каждый из нас не жалеет жизни для Родины, в наших рядах есть немало героев, которыми мы гордимся... Вас, товарищи горняки, мы призываем ковать победу на трудовом фронте. А мы и впредь с усиленной энергией будем истреблять фашистских оккупантов и с честью оправдаем имя города, которое присвоено нашему полку".

Отвечая артиллеристам, представители трудовых коллективов Ленинска писали: "Не давайте пощады извергам... Мы же все сделаем для того, чтобы облегчить вашу доблестную борьбу и приблизить желанный час победы". Воины полка с честью

выполнили этот наказ, достойно сражаясь, прошли от Подмоскovie до побережья Балтийского моря. Ленинск-Кузнецкано самоотверженно сражались с врагом в составе 150-й стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков, ставшей в боях 22-й гвардейской, 376-й Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии и во многих других частях и соединениях.

Вчитываясь в извещения о гибели наших горожан, видишь, что нет ни одной области СССР в фронтовых зонах, нет ни одной страны, через которые шли к победе советские люди, где бы не полегли наши горожане. Но особенно много их осталось на полях сражений от Заполярья до Белоруссии: в Ленинградской, Псковской, Новгородской, Калининской, Смоленской, Витебской, Гомельской областях, в Прибалтике, в Восточной Пруссии. Почти каждый четвертый из призванных на военную службу не вернулся в родной город...

Из Всекузбасской Книги памяти.

РАСХОДЫ БЮДЖЕТА

Сведения о поступлении и расходовании средств по местному бюджету с 15 по 18 июня

Администрация - 4 (на расходы 2, на материальную помощь погорельцам 2);
отделу образования - 161 (на зарплату 110, на питание 32, опекунам 6, на расходы 13);
управлению здравоохранения - 335 (на зарплату 288, на питание 9, на бензин для "Скорой помощи" 23, на медикаменты 10, на расходы 5);
психобольнице - 47 (на зарплату 40, на питание и расходы 7);
отделу культуры - 20 (на зарплату 10, на расходы и мероприятия 10);
кинодирекции - 24 (на зарплату);
управлению по физкультуре и спорту - 31 (на зарплату 13, на спортмероприятия и расходы 18);
управлению соцзащиты - 16 (на питание 2, пособие на детей 6, на погребение 6, на расходы 2);
ДЕЗ ЖКУ - 180 (на зарплату работникам ЖКУ 100, на расходы по содержанию жилья 80);
комитет по строительству - 15 (на ремонт и строительство объектов соцсферы города);
редакции "Городской газеты" - 5 (за информационные услуги);
военкомату - 2 (на проведение призыва);
ОГПС-7 - 3 (на бензин);
 дотация администрации п. Никитинский - 12 (на зарплату 5, опекунам 2, на расходы 5).
С. ПАВЛОВА.
 Зав. финансовым отделом.

ВНИМАНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, И ОРГАНИЗАЦИЙ, ОКАЗЫВАЮЩИХ УСЛУГИ ПО ГРУЗОВЫМ АВТОПЕРЕВОЗКАМ, ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ АВТОМОБИЛЬНЫХ СТОЯНОК И ГАРАЖЕЙ, БЫТОВОМУ И МЕДИЦИНСКОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ!

Завтра, 23 июня, в 10.30 и 14 часов в ДК имени Ярославского состоится совещание по разъяснению принятого Советом народных депутатов Кемеровской области от 26.05.99г. Закона "О налоге на вмененный доход для определенных видов деятельности на территории Кемеровской области".

Приглашаются все заинтересованные лица.
Администрация города.

Почти 55 лет прошло с того дня, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Но она постоянно напоминает о себе, до сих пор слышны отголоски ее кровопролитных боев. И до сих пор в местах бывших сражений лежат незахороненные останки павших защитников Отчизны.

Недавно в администрацию города и военный комиссариат пришло письмо от командира поискового отряда "Гвардия" из Новгорода Александра Николаевича Орлова. Он сообщил, что в мае этого года возле деревни Мясной Бор следопыты обнаружили останки погибшего советского солдата. При нем находился медальон с запиской следующего содержания: "Новосибирская обл., г. Ленинск-Кузнецкий, 3-я Садовая ул., № 15. Нюнькиной Евдокии Наумовне".

Останки погибшего с воинскими почестями были захоронены накануне Дня Победы на братском кладбище деревни Мясной Бор. Сохранились его документы и личные вещи, которые следопыты готовы передать родным солдата. Вероятно, считает Орлов, он числится пропавшим без вести в период с января по июль 1942 года, когда здесь, в лесах у Мясного Бора, шли ожесточенные бои с целью прорыва вражеского кольца и вывода из окружения 2-й Ударной армии. Брешь в фашистской обороне пробивала наша, 376-я Кузбасская стрелковая дивизия, в 943-м артиллерийском полку которой, по всей видимости, и воевал солдат Нюнькин, так как формировался полк здесь, в Ленинске.

Письмо из Новгорода повело дорогой поиска и местных краеведов во главе с директором краеведческого музея Тамарой Васильевной Чухно. Оказалось, что в Книге памяти есть красноармеец Нюнькин Иван Егорович, 1912 года рождения, который был призван на фронт в ноябре 1941 года и пропал без вести ровно через год, в ноябре 42-го. Это все, никаких других данных в электронном архиве не имеется. К сожалению, и Нюнькины в городе не проживают, по крайней мере, в списках адресного бюро, такая фамилия нигде не встречается. Нет в Ленинске больше трех Садовых улиц, как перед войной, сейчас одна-единственная осталась. И живет на ней, по Садовой, 17, как выяснилось, племянница погибшего солдата Великой Отечественной — Мария Дмитриевна Крохина. А бывшая 3-я Садовая улица называется теперь Союзной, и домиков довоенной постройки теперь, конечно, нет и в помине.

Получилось так, что соседи Марии Дмитриевны услышали по Ленинск-ТВ сообщение о письме из Новгорода, и немедленно передали ей столь неожиданное известие. Благодаря этому удалось узнать кое-какие подробности о семье погибшего война и о нем самом. Мария Дмитриевна в свои 75 лет хорошо помнит, что в семье Нюнькиных, кроме отца с матерью, были четыре дочери и сын Иван. Веселый был, разбитной паренек, всеобщий любимец, в свои неполные тридцать — дважды женат. Дед Егор работал сапожником в артели "Красный боевик", пошел по его стопам и Иван Егорович, тоже стал сапожником. Еще любил погулять с песнями под гармошку — на верное, от широты душевной, что так свойственно русскому человеку. По молодости отслужил срочную, так что в воинском деле был не новичок. Перед самой войной женился вторично. Детей у них с Евдокией Наумовной не было, племянники только подрастали шустрой ватагой.

Горестное известие о том, что Иван пропал без вести, пришло в дом на исходе 42-го. Поначалу, да и потом, родные не верили в худшее, уж слишком живая, бесшабашная была у него натура. Не мог он пропасть просто так, не за понюх табаку, все надеялись, что вот-вот объявится, переступит порог с

улыбкой до ушей. А может, думали, устроил где свою судьбу и живет-поживает — от него всякого можно было ожидать. Так и осталась солдатской вдовой Евдокия Наумовна: все ждала Ваню, замуж не выходила, одна свой век веквала. Лет десять назад умерла, будучи в преклонном возрасте. Беспощадно ломала война человеческие судьбы, разрушала семьи. Недаром же поется: ах, война, что ты сделала, подлая...

Кузбасская дивизия потеряла в боях под Мясным Бором более семи тысяч своих бойцов. Сколько там пало ленинск-кузнецчан, сказать трудно, составители Книги памяти считают, что около тысячи. Такова была страшная цена спасения 2-й Ударной армии, которую заплатили своими жизнями сибиряки. Непрерывно наступая под сильным обстрелом противника, идя в рукопашную и неся большие потери, они прорвали оборону фашистов и соединились с окруженными подразделениями 2-й Ударной. Путь пехоте прорубали своим огнем батареи 943-го артполка дивизии. Артиллеристам приходилось постоянно менять огневые

БЕЗ
ВЕСТИ
ПРОПАВШИИ

позиции, преодолевая глубокие снега, перелески и кустарник, торфяные болота и лесные завалы, вытаскивая орудия на руках. Зыбкая лесная почва буквально ходуном ходила от разрывов, вода заливала блиндажи и окопы. Но все это солдату надо вытерпеть.

Прорыв по фронту оказался невелик, до двух километров, и эта спасительная горловина, впоследствии захлопнутая гитлеровцами, получила название Долины смерти. Здесь не было практически ни одного клочка земли, где бы ни рвались бомбы, мины, снаряды, не свистели пули. Трудно, невозможно выжить в таком крошечном огненном аду. Но земляки держались из последних сил, не отступая. Ведь навстречу им выходили и выползали из окружения истощенные, раненные и больные солдаты 2-й Ударной... И сколько их, умерших и погибших, осталось лежать там, в Долине смерти и по окрестным лесам возле Мясного Бора. Рядом с ними, под ветром, снегом и дождем доныне покоятся безымянные останки наших артиллеристов, саперов, пехотинцев — солдат земли Кузнецкой, до сих пор, спустя полвека, не погребенных, не преданных российской земле, которые так же, как и красноармеец Иван Егорович Нюнькин, числятся пропавшими без вести.

Поэтому в адрес поискового отряда "Гвардия" наши краеведы направляли ответное письмо. От имени родственников найденного и захороненного земляка они благодарят новгородских поисковиков за сохранение памяти о погибших воинах, просят переслать сюда обнаруженные документы и вещи, другие имеющиеся материалы. Выражают надежду на дальнейшее сотрудничество, так как могли бы, в свою очередь, выслать "гвардейцам" для работы экзemplар Всекузбасской Книги памяти и подборку литературы об участии горожан и кузбассовцев в войне.

Так что весточка из Новгорода, надо полагать, не последняя. Поисковая работа продолжается. И прах защитников Отчизны через десятилетия предастся родной земле, за которую они отдали в годы войны свои жизни.

А. НИКОЛАЕВ.

День, когда кончилось детство

Воскресное утро 22 июня 1941 года, как сейчас помню, было замечательное: поднималось над родным Донбассом багряное солнце, было по-летнему тепло, а на небе — ни облачка. Еще нежась спростонок в кровати, я услышал с улицы свист. По привычке быстро вскочил, натянул штаны с рубашкой и сиганул на улицу прямо через окно. Там меня уже дожидалась стайка ребятишек. Нам всем было в ту пору по 12-13 лет. А какие летом заботы у ребятни из горняцкого поселка? Заскочил впопыхах на кухню, схватил кусок хлеба, большое красное яблоко и бросился догонять своих друзей.

Мы направились на старый заброшенный карьер, заполненный водой, где у берега стояли наши плоты, служившие нам боевыми кораблями. Выросшие в степной Ворошиловградской области, мы просто бредили морем. Вот и в этот день нам предстояло провести "морской бой" между русским флотом и турецким. Мой друг Борис Канунников был "турецкий паша", а я, как всегда, русский флотоводец.

Солнце уже перевалило на вторую половину небосвода, когда наш "морской бой" завершился полной победой русского флота. Веселой стайкой мы бежа-

ли домой, потому что проголодались, как волки. Еще издали увидели большую толпу народа, стоявшую возле шахтового комбината. Сначала подумали, что в шахте случилась авария — они в то время погоны за рекордами были частым явлением. Но, подойдя, мы поняли, что идет митинг. И здесь впервые услышали страшное слово "война".

Мы даже тогда и подумать не могли, что этот день перевернет миллионы человеческих судеб. Все искренне верили в то, что не пройдет и недели, как Красная Армия будет бить фашистов на их территории. Ведь она непобедима и всех сильнее. "Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим", — пели мы тогда. И никто из собравшихся на митинг тогда не знал, что война станет Великой Отечественной и продлится 1418 дней и ночей, почти четыре года. Что за эти годы мы узнаем, кто есть кто: будут герои, будут предатели, будут сильные духом, будут малодушные. Что страшное, непоправимое горе придет в наши шахтерские семьи, которые потеряют на войне отцов, мужей, братьев — она никого не щадит.

Осенью в сентябре 41-го ушел на фронт мой отец. А уже на исходе октября в

наш шахтерский поселок неожиданно заскочила группа немецких мотоциклистов. Их сразу выбили, но фронт всю зиму стоял в 12 километрах от нас, в районе Попасная. А в мае 1942 года я и сам, 14-летний мальчишка, попал на фронт. До конца мая 45-го наравне со взрослыми бойцами переносил все фронтовые тяготы. И куда только ни бросала меня фронтовая судьба!

Оборонял от фашистов Кавказ, высаживался с первым десантом на "Малую землю" в составе отряда Куникова. Сбылась-таки моя мальчишеская мечта — стал я моряком, юнгой Черноморского флота. Освобождал Тамань, Крым, Севастополь, был ранен. А после госпиталя вновь попросился на фронт, участвовал в Берлинской операции, самых последних боях. В Германии и закончил войну, встретив День Победы. А было мне тогда 16 лет с небольшим.

22 июня началась самая страшная из пережитых Россией войн. Для нас, подростков, в тот день закончилось детство. Вместе со взрослыми мы встали на защиту Отечества. По-разному сложилась наша судьба. Но те годы нам уже не забыть никогда.

В. СТАРЧЕНКО.

Войне и миру знают цену

Мы сидим втроем в обычной городской квартире. Я, современный тинейджер, то есть девушка-одинадцатиклассница, мечтающая поступить в вуз и знающая о войне лишь по книжкам и кино. Мои собеседники — Валентина Федоровна и Петр Филиппович Ирвачевы — участники тех далеких для меня событий. Они были почти моими ровесниками, когда пришел грозный сорок первый год.

Валентина Федоровна работала тогда воспитателем в детском саду, но, услышав страшное известие, записалась на ускоренные курсы медсестер, чтобы хоть чем-то помочь малышам, смотретьшим на нее добрыми доверчивыми глазами. Практику проходила на базе школы № 2, что вскоре стала госпиталем. Когда стали формировать группу для партизанской работы, решила вступить в нее тоже. Сначала отказывали, не брали, но она настояла на своем. В группу приняли, но на военной комиссии в Новосибирске Валюшу чуть было не вернули назад.

— Помню, — говорит она, — беседовали с нами несколько мужчин и одна женщина. Вопросы задавали много. Когда меня спросили: "Чем занимаешься в свободное время?", ответила: "Танцую в хореографическом кружке". В ответ услышала строгое: "Балерины нам не нужны!" Уж очень не хотелось комиссии меня пропускать: маленькой была, хрупкой. Наверно, думали: какой из нее вояка... Но удалось убедить, что буду сражаться, как все, и меня отправили в Московскую спецшколу № 2.

Пройдя пятимесячную

подготовку, Валентина Федоровна получила билет слушательницы школы по подготовке партизанских кадров и стала членом отдельного действительного партизанского отряда имени Котовского. Поскольку специальность у нее была мужская — минер, то звали ее Гришкой, от девичьей фамилии Григорьева.

Хорошо помнит Валентина Федоровна свое первое задание:

— Послали нас пятерых на минирование железной дороги. Она находилась в низине. Стали расставлять мины и услышали чьи-то голоса. Оказывается, за поездом стояли немецкие патрули. Дело было весной, и, вероятно, от влажности воздуха фитиль долго не загорался, но поджечь его все-таки удалось. Когда выбирались наверх, сзади послышались автоматные очереди. В этот раз чудом спаслись, хотя было очень страшно, но потом привыкла ко всему, ведь война была долгой.

А после нее встретила Петра Филипповича, поженились, троих детей вырастили, пятеро внуков, теперь уже двое правнуков появились. Ну, а мы постарели и живем вдвоем. Молодость вспоминаем.

Они показывают мне свои награды с гордостью и достоинством. За каждой из них стоит не просто один из военных дней, а настоящий подвиг. Их достаточно у обоих.

Петр Филиппович служил в авиации механиком по вооружению. Освобождал Молдавию, Венгрию, Чехословакию. Работа механика была такой же ответственной, как у любого солдата. Часто на аэродромы пада-

ли бомбы, и уж грузы возили только "на своем горбу". Про них говорили: "Вечно грязный, вечно сонный моторист авиационный". Сейчас Петр Филиппович вспоминает об этом с улыбкой, но было совсем не до смеха, когда фашисты напали на топливные базы.

— Однажды под Будапештом, — вспоминает он один из моментов войны, — к нашему аэродрому прорвались танковые войска Гудериана. Полк, сдерживавший наступление, оказался в большой опасности. Мы получили приказ подготовить аэродром к взрыву. Минировали, но очень было жаль припасов, что хранились на аэродроме, ведь их доставляли с таким трудом, некоторые составы просто не доходили до места. И вдруг самим все уничтожить! Ждали исхода боя. К счастью, все обошлось, и объект разминировали, но потом часто вспоминали этот день. Да и чего только не случалось на войне! Но нам повезло, мы остались жить, и знаем цену миру.

И они, действительно, знают о жизни много того, чего не знаем мы, ведь "мир" и "война" — для них не просто слова, имеющие определенное лексическое значение. И то, и другое — часть их жизни. И они верят, что мы, молодежь конца двадцатого века, пойдем и оценим то, что им пришлось испытать, проникнемся гордостью за наших дедушек и бабушек, и увидим в них не только многих пожилых людей, но и настоящих героев.

Н. САМАРИНА.

Учащаяся школы № 8.

7 ОКТЯБРЯ 1944 года у хутора Бумбери в Латвии завершился короткий жизненный путь санинструктора 62-го стрелкового полка нашей 22-й гвардейской Сибирской добровольческой дивизии гвардии старшего сержанта Ольги Васильевны Жилиной. Закончился героическим поступком. Да и весь ее двухгодичный фронтовой "стаж" был сплошным незаурядным подвигом. Грудь девушки к этому времени украшали три ордена и медаль. А если учесть, что в первые годы войны награждали только за особо выдающиеся поступки, а в этой дивизии особенно скупой, то и первую ее медаль "За боевые заслуги" достойно приравнять к ордену. Орден Славы III степени, орден Красной Звезды, орден Боевого Красного Знамени, второй после ордена Ленина по значимости среди орденов Советского Союза, — такими красными вежами был обозначен ее боевой путь.

Что же побуждало юную сибирячку все эти два года войны шагать не широкой дорогой массового подвига, а где-то рядом, узкой тропкой индивидуального героизма? Беззаветная любовь к Родине? Но тогда всех, в том числе и 13473 добровольцев этой дивизии призывала на борьбу с фашизмом эта любовь. Тут все равны. Может, военно-патриотическое воспитание в школе, которое в предвоенные годы было особенно на высоком уровне? "Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!" — пели мы на пионерских сборах. Но мы все учились в одной советской школе, так что и военно-патриотического запала в нас было поровну. Не подвиги ли отцов на гражданской войне, не пример ли Павки Корчагина из книги Островского "Как закалялась сталь" и Аньки-пулеметчицы из "Чапаева" готовили Ольгу к ее подвигам? Наверное, да, но ведь и в этом мы, все довоенное поколение были аранжированы одинаково. Так где же та божья искра, изначально подвинувшая ее к совершению неординарных поступков?

Крещение на ненависть

В самый накал Сталинградской битвы дивизия сибиряков-добровольцев участвовала в отвлекающем ударе под городом Белый в Калининской области, скрывая на Ржево-Вяземском выступе значительные силы гитлеровцев. И в первые же дни добилась значительных успехов. Фронт был прорван, освобождено до сорока населенных пунктов.

Из-за значительного удаления от медсанбата полки развернули санитары, где в ожидании транспорта сосредотачивались раненые и где им оказывалась первая, посильная в полевых условиях, помощь. Всю вторую половину короткого зимнего дня Ольга Жилина с подружками выводила, выносила, а то и вывозила волоком на плащ-палатках сюда раненых. Для неопытных, необстрелянных еще, кланявшихся каждой пролетевшей пуле санинструкторов и санитаров этот день выдался особенно тяжелым. Противник вернул приготовившиеся было отправиться на помощь Паулюсу под Сталинград войска и бросил их против сибиряков. Бой был жестоким, раненых было много. Жилина сдала врачам санитары десятого или одиннадцатого, она сбилась со счета, когда совсем стемнело. И, не передохнув даже, пошла обратно.

— Оля, ты куда? — встретились ей две подружки с ранеными. — Там больше никого нет...

— Нет, я слышала стоны, — не остановилась даже она, не подозревая, что видит подруг живыми последний раз.

Раненого она нашла, поземка не успела задуть его окончательно. Это был пожилой солдат. Попытка привести его в сознание ни к чему не привела. Она не стала искать рану и пороть одежду, в потемках можно было больше навредить, чем помочь, только перевернула его навзничь на его же плащ-палатку, порадовавшись, что раненый попался легкий, и у нее достанет сил дотащить его до санитары.

Ташить надо было с километр. Она несколько раз останавливала-

лась, поправляя санитарную сумку и винтовку раненого, сползавший со спины, припадала ухом к холодным губам, ловя признаки слабого дыхания.

До санитары оставалось метров сто, в неглубокой лощинке уже угадывались силуэты двух палаток, когда там неожиданно засверкали автоматные очереди. В промежутках послышались лающие немецкие команды, распоротые ножами стены палаток распахнулись и в дыры, в освещенные фонарями внутренности устремились гитлеровцы. Выстрелы прекратились, зато послышались крики и предсмертные стоны добываемых ножами раненых. Иногда слышались женские голоса, тут же прерываемые ударами ножей. Там не щадили никого...

Ольга оцепенела от ужаса, когда поняла, что происходит. У нее на глазах прорвавшиеся где-то фашисты зверски уничтожали санитары, в которой скопилось до полусотни раненых и до десятка медработников.

Она потом не могла сказать сколько времени это длилось: час, полчаса или гитлеровцы разделились с беззащитными за десять минут. Пришла в себя не от того, что там все затихло, а от того, что почувствовала голод, идущий от раненого, которого укрывала полый своего полушубка и грела своим телом. Раненый был мертв.

Что могла испытывать не умудренная жизненным опытом девушка, оставшись наедине с темной метельной ночью, с только что пережитым ужасом и мертвым бойцом рядом? Идти ей было некуда. Впереди разгромленная санитары с истекающими последней кровью погибшими и затаившимися, быть может, гитлеровцами, сзади — неизвестно где теперь проходившая передовая. Озябнув, она вытащила из-под мертвого плащ-палатку и укуталась ею. Но больше холода и бессилия ее мучила внезапно пришедшая мысль, что сегодня она никого не спасла. Даже тех, что вынесла днем. Вынесла, получила, навстречу гибели.

Это уж точно, что она не вспомнила в ту ночь слов главного гимна Великой Отечественной "Пусть ярость благородная вскипает, как волна". Но подсознательно именно тогда та самая "ярость благородная" вскипела в ней с неимоверной силой. И первыми словами, которые она произнесла, отыскав утром свою роту, были: мстить, мстить, мстить...

И она мстила...

Через тернии

В бою под городом Лубань осколок рассек ей щеку.

— Да ты себя сначала перевяжи, милая... — застонал солдат, которого она пыталась поднять на плечо.

— Потом...

А когда донесла его до пункта сбора, сама со стоном упала рядом с бойцом.

— Оля, да ты раненая! — подбежала к ней Лиза Павлова и при-

нялась стирать кровь с лица. — Сейчас я тебя перевяжу...

— Сначала вот тут... — и отстранив Лизу, начала стаскивать разорванный осколком сапог.

— Ох ты! Да мы тебя с первой же повозкой отправим в санбат!

— Нет. Сейчас начнется новая атака и вам не справиться...

— Но разве так можно!

— Так надо.

И вот этим "Так надо!" она руководствовалась в каждом своем поступке. На фотографии решительное лицо, твердый взгляд. Она еще не получила всех своих наград, но уже вполне сложился ее недюжинный волевой характер. И мстила она не только оружием своей воинской специаль-

ПОДВИГИ СИБИРЯЧКИ

ности, способствуя быстрейшему возвращению в строй раненых, но ее часто видели с автоматом в руках и санитарной сумкой через плечо среди идущих в атаку.

— Ты сестра или автоматчик? — шутили бойцы.

— И то, и другое... — отвечала она, потому, что считала — так надо!

"Сегодня Оля Жилина водела в атаку роту, — пишет в своих воспоминаниях бывшая комсорг полка Галина Гололобова. — В разгар боя погиб командир, ранило одного из бойцов, потом другого... Увидев, что бойцы в замешательстве залегли, она поднялась во весь рост:

— За мной! Немцев выбили из деревни". Так надо!

Восемь раз она была ранена, но дальше своего дивизионного медсанбата не уходила. Чуть подлечившись, тут же возвращалась в роту, тут же впрягалась в дела. Будто и в самом деле была семейной. Ведь слышалось в ее фамилии что-то и от слова "жила" и от слова "жить". И это при ее-то не богатырском росточке и телосложении. Так надо...

"Ольга Жилина стала общей любимцей, — вспоминает далее Галина Гололобова. — Нелзя без волнения смотреть, как берегут ее огрубевшие на войне солдаты, как ласково называют "нашей милой сестричкой". Сколько писем ей приходило! Пишут матери, сестры и дети солдат, пишут сами солдаты".

Да, письма... Женщинам на войне неизмеримо труднее, чем мужчинам. Неизмеримо! Для нее даже самые простые вещи, скажем, такие, как отправление естественных надобностей вырастали порой в целую проблему. Иногда ведь было, что ни кустика, ни стенки вблизи, за которыми можно бы укрыться, а кругом — мужчины. И воды им, чистюлям, надо вдвойне. "Как уткам", как сказал однажды пожилой солдат. И вдвойне тепла, чтоб уберечься от переохлаждений. Да мало ли что еще! А взять такое неизбежное явление, как домогательство нахальных мужчин? Вот и лнут девочки больше к пожилым солдатам, под их отеческую опеку. Но Ольга и эту проблему решила для себя оригинально. Она с самого начала не скрывала, что у нее есть жених — летчик, воюющий на соседнем фронте. И не стеснялась показывать подругам его трогательные, но скупые письма. Наверное, в этих письмах, да и в остальных тоже, Ольга черпала силы для своих свершений.

Последний бой, он самый...

... Того хутора Бумбери по существу уже не было. От него уцелел один сарай, но и он дался немалой кровью. Когда бой отдался, санинструктор Ольга Жилина и санитарка Саша Седых решили до подхода транспорта укрыть в нем раненых и начали стаскивать их туда. Раненых набралось уже восемнадцать, когда немцы заметили движение и открыли по сараю артиллерийский

огонь. Подруги в этот момент находились вне сарая и порадовались, что успели, что стены слушат раненым каким-никаким укрытием. Не было бы только прямого попадания. Но оно случилось! Снаряд угодил в

угол крыши и поджег ее, под крышей была солома. Ольга на какой-то миг опять оцепенела: ведь повторялась та же ситуация, что и два года назад под Белым. Там она так же вот вынесла с поля боя нескольких бойцов, а через час их ножами и штыками добила озверевшие гитлеровцы. Только теперь раненым угрожали не ножи, а огонь. Ведь из них ни один не мог передвигаться самостоятельно! И Ольга, пригибаясь и падая при близком посвисте снаряда, хотя и знала уже, что снаряд, который слышишь — не твой, кинулась к сараю.

— Оля, ты куда! — крикнула Саша, но и сама уже через секунду бежала следом.

Не обращая внимания на сыплющиеся сверху искры и хлопья огня, они, кого по одиночке, кого вдвоем, начали вытаскивать раненых туда, где снаряды еще не рвались. Пламя охватило уже всю крышу, загорелась солома внутри сарая, стало темно от дыма, раненых уже трудно было находить.

— Вроде последний... — сказала Саша, опуская на землю солдата.

— Нет, это семнадцатый... — и Ольга в очередной раз кинулась к сараю. Но в него уже невозможно было войти, пылали ворота. А из сарая рвался зов о помощи. Завернувшись с головой в оказавшуюся у ворот чью-то плащ-палатку, Ольга исчезла в пламени...

В советской, далекой, признаемся, от совершенства идеологии были, признаемся еще раз, и довольно мудрые постулаты. Среди них и такой: в жизни всегда есть место для подвига. И бесспорно. Только далеко не каждый находит это место. И далеко не каждый хочет его находить. Не та психология. Не то самосознание. Не то чувство локтя, товарищества, взаимовыручки. Особенно сейчас. Ольга же комплексом неполноценности не страдала.

... Саша успела подбежать, чтобы встретить возникший из ворот клуб дыма и пламени. Отбросив в сторону горящую плащ-палатку, Ольга принялась тушить на раненом шинель, не замечая, что на самой тлеет гимнастерка. Вдвоем они потащили раненого подальше от пылающего во всю сарая.

Своего снаряда Ольга Жилина, конечно, не услышала. Она только почувствовала тупой удар, бросивший ее на жухлую осеннюю траву.

— Оля, ты что? — перевернула ее на спину Саша, машинально заправляя под пилотку ее опаленные волосы.

— Вот и все... — скорее догада-

лась, чем услышала Саша, что прошептала Ольга с последним выдохом. Что она хотела сказать? Что все же успели вынести всех? Что она до конца исполнила свой солдатский долг? Или что вот и кончился ее такой короткий жизненный путь? На это теперь не ответит никто.

Ольга Васильевна Жилина не дождала 7 дней до освобождения столицы Латвии Риги и 7 месяцев до Дня Победы. За последний свой бой она была награждена еще одним орденом — орденом Отечественной войны I степени.

Посмертно.

Долг памяти

Я не был знаком с Ольгой Жилиной на фронте, но есть основание предполагать, что именно наша батарея чаще всего поддерживала огнем тот батальон, ту роту, в которой она воевала. Стало быть, и дороги наши не одиножды шли рядом и пересекались многократно. Я знал о ней и тогда, а особенно много прочитал и услышал после, часто встречаясь с однополчанами.

В октябре 1984 года правительство тогда еще Советской Латвии пригласило нас, около 120 ветеранов 22-й Гвардейской, теперь уже Рижской дивизии на празднование 40-летия освобождения своей столицы от немецко-фашистских захватчиков. Там мы, человек 20 активистов ветеранского движения, выпросились, чтоб нас свозили к местам, где огнем полыхала наша юность. Хотелось другим, зрелым взглядом окинуть те поля, где навечно остались наши земляки и поклониться их праху.

Нас подвезли к воинскому захоронению у селения Саласпилс. В глаза бросилась длинная, метров в 40 бетонная стена с фамилиями и званиями захороненных: Около 1800 имен... Перед стеной большие четырехугольные братские могилы, обрамленные бетонными бордюрами, засеянные цветами. Дорожки между ними усыпаны желтым песком. Перед братскими могилами, слева и справа от главного прохода — две могилы отдельно. Из некролога на той, что справа, узнаю: в ней лежит командир нашего дивизиона майор Шамара. Но он же погиб далеко отсюда! Кто же тогда во второй? Во второй покоился прах Ольги Васильевны Жилиной, тоже перенесенный сюда издалека. Вот где наши пути скрестились последний раз...

После кладбища мы беседовали с учителями местной школы. И вот там довелось услышать новость, дописавшую к светлomu портрету Ольги Жилиной еще один яркий штрих. Командир роты, в которой она воевала, рассказал: разбирая Ольгины письма, чтоб определить, какое куда отправить, ее подружки обнаружили, что летчик, писавший ей трогательные письма, погиб еще в конце 42-го года! То есть тогда приблизительно, когда Ольга всю ночь пролежала рядом с мертвым солдатом возле растерзанных палаток санитары... А письма от его имени писала школьная подруга, воевавшая на том же соседнем фронте. Вот теперь и представьте, какой же могучей должна была быть волна ее ненависти! За любимого, за подруг, за сожженные села и города, за Родину...

Перед нами на кладбище побывали солдаты, отдавшие в честь павших воинский салют. В траве, цветах и на дорожке валялись автоматные гильзы. Я поднял одну с могилы Ольги Жилиной и положил в карман. Как вещественное звено, связывающее нас, еще живых, с нашими павшими. Дома отполировал ее, обрезал разорванное устье и храню теперь в рабочем столе. Зачем? Не знаю. Наверное, так надо...

В. РОМАНЧИН.

ПО ПУТИ на станцию ее не догнала ни одна машина, ни одна подвода. Навстречу попалось немало, а туда, словно сговорились, ни одной. Так и прошла все пять километров пешком. А когда добралась до города, оказалось, что нужный ей по делам человек в себе будет только после обеда. Пока ждала и говорила с ним — ушел электропоезд. Теперь жди следующий...

Расстроенная вышла Мария Андреевна на улицу и остановилась. Потом отправилась, сама не зная куда. "Городской парк" — увидела она вывеску над воротами и медленню пошла по дорожке. Тир был деревянным строением, похожим на сарай. И от нечего делать (в другое время никогда не зашла бы) Мария Андреевна потянула на себя дверь. Здесь было темно, и после яркого солнца она не сразу разглядела мишени и пожилого работника тира, деловито отсчитывающего патроны трем старшеклассникам.

- Бабуля, а вы адресом, случайно, не ошиблись? — сказал один из них, с длинными рыжими вихрами, подмигивая приятелям.

Но Мария Андреевна молча достала мелочь, положила перед удивленным стариком:

- Пять патронов, пожалуйста! Пока тот отсчитывал патроны, подняла со стойки винтовку. Ребята, отложив свои, наблюдали только за ней.

Приклад удобно и привычно лег на плечо. Она даже удивилась этой привычности. Сколько лет прошло, а навыки, выходя, остались. Палец нащупал холодную сталь курка. Какую мишень выбрать? Вон ту, что ли, справа?.. Вдруг странно забило сердце. "Да что же это я так разволновалась? Ну, подумаешь, не попаду — сколько десятков лет прошло, как последний раз винтовку держала!.."

А глаз уже привычно щурился, и

палец спокойно, уверенно, ровно оттянул курок. "Щелк", — звонко прозвучал в тишине выстрел. Закачался, перевернувшись, веселый заяц с балалайкой. Мария Андреевна взяла патрон, быстро перезарядила. "Щелк" — застучали топоры игрушечных дровосеков. "Щелк" — упало яблоко. "Щелк", щелк" — полетели еще две фигурки. На стойке больше не было патронов.

Не разучилась...

○ Рассказ-быль

Тишина стояла в тире. Молчали вдруг посерьезневшие ребята, не двигался старик. Женщина устало опустила винтовку. Вдруг, как живые, вспомнились ей лица девчат, служивших с ней в снайперском батальоне. Вспомнила украинку Галю, чернобровую красавицу; веселую, неунывающую Риту, все подтрунивавшую над молодым и на редкость застенчивым лейтенантом. И, конечно, серую Антонину, которая каждый вечер рассказывала об оставшихся дома двух дочках, практичную Надежду, умевшую достать из-под земли то шоколад, то банку тушенки, то так нужные всем новые портянки. А также Оленьку, беленькую застенчивую сибирячку. Она оказалась очень сильной, эта хрупкая, больше похожая на ребенка девушка, которую они все опекали с материнской нежностью. В тот день, когда бомба, брошенная неожиданно налетевшим бомбардировщиком, попала в их землянку, Мария Андреевна была в штабе. Погибли все. Только Оленьку, тяжело раненную в ноги, доставили в госпиталь. Она вышла и, даже потеряв ногу, не утратила бодрости духа. Приобрела профессию,

вышла замуж, вырастила троих детей.

На память пришли те ночные дежурства зимой 1943 года, когда на всю их землянку была одна пара-валенок, один тулуп. Он насквозь промерзал на холодном ветру, коробился, и, придя с поста, оставляли его стоять за порогом, как часового. Однажды наткнулся на него ухаживающий за Галей сержант-артиллерист и прошил тулуп пулеметной очередью, приняв за фашистского разведчика. Латали всей командой, но после этого все равно из пулевых дыр торчали клочья овчины.

Предстала, как наяву, первая встреча с врагом. Фашист стрелял неторопливо, без промаха. Она целилась, вся дрожала от волнения. Секунды летели, унося подруг, убитых вражескими пулями. До сих пор, точно в замедленном кино, встает в памяти, как падал фашист с дерева, среди ветвей которого маскировался.

Многое за несколько минут пронеслось перед ней: и теплушки, в которых перебрасывали женский снайперский отряд с фронта на фронт, и бои под Ленинградом, и штурм Сапун-горы в Севастополе, и первый орден, который ей вручили... А потом — незабываемая весна 45-го, слезы радости в День Победы, дорога домой, в Россию.

... Молча положила Мария Андреевна на стойку винтовку, глухо стукнуло приклад.

- Фронтовичка! — вдруг услышала она старика. Он не спрашивал, а утверждал.

Она вдруг вспомнила про электричку и заторопилась — как бы и на-эту не опоздать! А трое старшеклассников еще долго смотрели вслед невысокой пожилой женщине в белом платке из тонкой пушистой шерсти, с потертым портфелем в руках.

Н. ИПАТОВА.

Хлеб "от зайчика"

Солдатские вдовы... Война — это всенародное горе — свалилась на их хрупкие плечи в июне 41-го. Я смутно помню тот день, хотя именно в том году осенью пошел семилетним мальчуганом в первый класс. Мы, трое сыновей-малюток, ждали отца с действительной службы — он уже отслужил положенные два года. И вдруг такая беда.

Никогда не забуду, как в нашу избу пришла первая в деревне похоронка с фронта. Отец, Тимофей Федорович, служил под Ленинградом, по которому фашисты с ходу нанесли мощный удар. До нас, ребяташек, не сразу дошло, почему мать плачет и причитает. Однако дед Василий объяснил, что к чему. Тогда мы впервые услышали страшное слово "сироты", которое преследует нас до сих пор.

А затем потянулись дни на выживание. Мы ведь в военную пору никогда довольны хлеба не наедались. А были зимы и вес-

ны вовсе голодные. Уходя на работу, мама давала нам всем по маленькому кусочку хлеба. Еще меньший брала с собой — на весь трудовой день. Поздно вечером, усталая, возвращалась домой, развязывала клетчатый платочек и давала нам еще по кусочку хлеба:

- Это вам, сыночки, хлеб от зайчика...

Но однажды эта сказка вмиг оборвалась: дед Василий толкнул меня в плечо и тихо шепнул: "Мать свой кусок хлеба не ест, вам приносит, а вы, глупые, верите, что "от зайчика".

Хлеб застрял у меня в горле. Я убежал и, чтобы не видели младшие братья, плакал. А так хотелось верить, что хлеб был на самом деле принесен от косоного зверька.

Потом, чуть повзрослев, мы добывали горбушку хлеба своим неокрепшим горбом. Кто мог держаться на лошади, возил копыны, был коногоном, а кто постарше, выполнял более трудоемкую рабо-

ту, скажем, подавал на бричку снопы. Уполномоченные нас подбрасывали, мол, вот разобьем фашистов, заживем зажиточно, как говорит товарищ Сталин. Мы, конечно, искренне верили в эти сказки, стараясь подражать старшим.

Но вот прошло уже более полувека с тех пор, как отстремел салют Победы, а жизнь слаще не стала. Многие вдовы, как и моя мама Наталья Васильевна, до сих пор сидят в пустых трудовых квартирах и, тоскуя, ждут своих мужей, надеясь на чудо. Ждут и пенсию; днями не отходят от окон. Конечно, мы, дети, такие же обделенные сегодня судьбой пенсионеры, проведываем, чем можем, помогаем.

- Вот видите, как оно вышло, — скажет она иной раз. — И вы, дети мои, постарели, и тоже, как в войну, перебиваетесь с хлеба на квас...

А в ответ и сказать-то нам нечего. Трудным было детство, всю жизнь

потом горбатились и ничего не нашли. А сейчас и вовсе за чертой бедности оказались.

Потому сердце вдов и разрывается от обиды, когда приходят к ним в гости внуки и правнуки. Нечем угостить малолеток, не на что купить хотя бы дешевых конфеток, пряников либо каких других сладостей, не говоря уже о забурных "сникерсах" и "марсах". Как тут с горя не заплачешь?

Но как бы там ни было, сегодня надо почитать добрым словом павших защитников Отчизны, низко поклониться их вдовам. Нельзя забыть о солдатках в такой день, хотя они давно уже призывали к одиночеству, потерпелись от жизни и понимают все, что происходит вокруг. И мы принесем им сегодня свои нехитрые гостинцы, как когда-то они приносили нам горький военный хлеб "от зайчика".

И. МЕЛЬНИЧЕНКО.

ПОБЕДА НА "УРА!"

"ЗАРЯ" - СКА (Хабаровск) 1:0.

Судьи: Гаврилов Ю. — р/к (г. Благовещенск); Лобанов А. — р/к (г. Иркутск); Поляков С. — р/к (г. Иркутск).

Инспектор: Уткин Б.А. (г. Новосибирск). "ЗАРЯ": Тумилович (Смолин, Молотов, Хижняк, Шмаль, Шемякин, Епураш, Бычковский, Жданов (Чекалев, 89), Артюхин (Бегунов, 59), Соенко.

СКА: Дикань, Чайка, Кальян, Поливода, Молчан (Труфанов, 66), Кандалицев, Швецов, Гужавин (Куров, 56), Поддубный, Телешун, Логвинов (Бондаренко, 58).

ГОЛ: Соенко (23)

Предупреждения: Шмаль (28), Епураш (89); Бондаренко (69), все-грубая игра.

Эта игра не шла ни в какое сравнение с игрой предыдущей. Похоже, беседа в команде перед матчем была серьезной, и наши ребята вышли на поле полностью мобилизованными к активным действиям. Буквально на первых секундах заринцы уже подавали угловой.

Вообще-то, матч с хабаровчанами наши болельщики ждали с волнением и опаской. Как никак — лидер, да еще "обиженный" в прошлом году "Кузбассом".

Предчувствия не обманули — все 90 минут в напряжении, даже ход времени не замечался, все на одном дыхании. Моменты для взятия ворот были в избытке у обеих команд. Возможно, чуть больше повезло нашим (но ведь на то они и родные стены!). Очень опасными в исполнении армейцев были прострельные передачи и навесы в штрафную, но "красавчик" Юра Тумилович все угрозы от своих ворот отводил.

Примерно с 12-й минуты инициатива полностью за "Зарей". Имели возможность поразить цель, и не раз, Артюхин, Шемякин, Соенко... И все-таки свой шанс Дмитрий не упустил. 23-я минута. Сергей Молотов со своей половиной поля длинным пасом находит вблизи штрафной гостей Александра Жернова, тот, головой, сбрасывает мяч еще дальше — на ход главному бомбардиру "Зари", и он, не останавливаясь, в одно касание отправляет его низом точно в угол ворот. Бросок Диканя ничего не дал — 1:0.

Буквально через минуту СКА проводит похожую вылазку, и Гужавин перебрасывает мяч над нашим голкипером, но на подстраховке четко сыграл Епураш, выбив мяч почти с линии ворот.

Концовка первой половины вновь за заринцами, и трижды упускает хорошие возможности Жданов.

Во втором тайме армейцы еще более активны. На 52-й минуте подача углового, у последнего

рубежа "Зари" образуется куча-мала. Лишь в отчаянном броске, с риском получить травму, Тумилович забирает мяч. А через две с половиной минуты еще одна опаснейшая ситуация у наших ворот. Если ранее описанный эпизод можно назвать стопроцентным, то этот тянул на все двести. Длинный навес в штрафную, голкипер выходит и "снимает" мяч с головы соперника, но тот, по какой-то необъяснимой траектории, все же проскальзывает к Логвинову — он, находясь перед беззащитной рамкой ворот, "заряжает" мяч в перекладину, а повторный удар кого-то из игроков Хабаровска угодил в сетку, но уже с внешней стороны.

И последние минуты не были спокойными. Епураш забрасывает мяч в штрафную дальневосточников в направлении открывающегося Соенко, но В. Чайка отбивает его, и первым к мячу успевает Александр Жданов. Он его обрабатывает и отдает ювелирный пас набегающему Алексею Шмально, после завершающего удара которого мяч в двух сантиметрах от левой стойки подравнивает травку. Затем, после прострела, удар головой Соенко — вновь рядом со штангой, но на этот раз правой. Судья, похоже, немного добавил время. Последний штрафной в исполнении гостей — и мяч, посланный на метр выше ворот, можно было уже не возвращать — несколькими секундами позже прозвучал финальный свисток.

Результаты остальных матчей десятого тура: "Иртыш" — "Самотлор" — 3:0; "Чкаловец" — "Динамо" (Ом.) — 2:0; "Сибиряк" — "Динамо" (Бр.) — 2:1; "Реформация" — "Металлург" — 0:4; "Кузбасс" — "Амур-Энергия" — 2:0; "Океан" — "Звезда" — 0:1; "Луч" — "Селенга" — 4:1.

Впереди у "Зари" еще одна домашняя встреча с не менее грозным соперником — новокузнецким "Металлургом" 23 июня.

А. ИВАНОВ.

Городская газета

УЧРЕДИТЕЛИ:
Ленинск-Кузнецкая городская администрация и трудовой коллектив редакции.

Газета основана 1 октября 1930 г. До 1994 г. выходила под названием «Ленинский шахтер».

Редактор С. П. БАРАНОВ.

Адрес редакции:
652500, г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области, ул. Белинского, 15.

Справки по редакции:
по вопросам социальной сферы - 3-33-69, по вопросам экономики - 3-33-72, по рекламе и объявлениям - 3-29-53, по вопросам общественно-политической жизни - 3-30-86.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за достоверность и точность приведенных фактов. Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора. За содержание рекламных материалов отвечают рекламодатели.

Газета отпечатана в Ленинск-Кузнецком ППО (ул. Белинского, 17).

Телефон директора 3-46-45

Объем 1 п. л. Номер подписан в печать в 17 часов.

Печать офсетная. Заказ 2064. Цена в розницу - договорная